

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Лев Толстой и время

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
2010

О.Н. Бахтина

Проблема житийного канона в повести Л.Н.Толстого «Отец Сергей»

Вопрос о связи творчества Толстого с древнерусской литературной традицией не раз становился предметом исследования. Эта тема интересовала уже современников писателя, но в конце 50-х – начале 60-х гг. XX века она оформилась в самостоятельную историко-литературную проблему. Об этом писали такие известные литературоведы, как Е.А. Маймин, Б.М. Эйхенбаум, Б.И. Бурсов, Е.Н. Купреянова, Д.С. Лихачев, Е.В. Николаева и др. Специально агиографические тенденции в творчестве Толстого исследовали В.В. Кусков, С.К. Росовецкий, А.Д. Опульский, Э.С. Афанасьев, И.А. Юртаева и ряд зарубежных ученых: Дж. Алиссандратос, П. Честер, У. Вуйчицки и др.

Повесть «Отец Сергей» также не была обойдена вниманием исследователей, которые, прежде всего, обращались к проблеме источников. В результате выстроился значительный ряд житийных текстов, которые, с большей или меньшей достоверностью, могли быть известны Л. Толстому и оказали на него влияние при написании повести. Однако автор современной работы А.Г. Гродецкий справедливо пишет: «Сложное отношение писателя к идеологии жанра, к житийному мирозерцанию – вопрос почти нетронутый»¹. И далее: «Агиографическая традиция присутствует в творчестве Толстого как объект сильнейшего тяготения и не менее мощного отторжения. И, может быть, именно в отношении к житийной литературе эта духовная динамика, столкновение полярно направленных мощных внутренних импульсов особенно очевидны»².

В 80-е годы в советском литературоведении наметился взгляд на толстовские повести 1880-х годов как на некое единство, некий цикл. Об этом специально писал А.Б. Кадинский в 1961 году. Главной проблемой цикла стала, по его мнению, «проблема духовного прозрения человека». Кроме того, что особенно важно, возник вопрос и о структурных способах ее выражения, в частности, было обращено внимание на особенности композиции, способы организации повествования и т.д. Несколько иной взгляд на эти повести содержится в книге Е.П. Андреевой «Толстой-художник», где ставится вопрос о необходимости их исследования в аспекте поисков положительного героя в творчестве позднего Толстого под углом зрения раскрытия нравственной проблемы³.

Выделим несколько работ, посвященных анализу повести «Отец Сергей» в интересующем нас аспекте. Прежде всего, отметим статью

И.А. Юртаевой (1988) о традициях жития, в которой автор справедливо писала о сознательном обращении Толстого в послекризисный период к древнейшим формам словесного творчества – таким как жития, притчи и т.д. Причем это не было стилизацией, а возрождением, восстановлением их изначального смысла. Для Толстого это означало «очищение» первоначального смысла вечных нравственных заповедей. Это не было просто «заимствованием», которое он отрицал (см. об этом трактат «Что такое искусство?»), а постижением конкретной современной действительности через сопоставление с вечными вневременными идеалами.

Об интересе Толстого к житийной литературе, о чтении Четых Миной Макария и Дмитрия Ростовского, Пролога есть прямые свидетельства – пометы в экземплярах названных изданий из Яснополянской библиотеки, запись в дневнике Софьи Андреевны, письма самого писателя в момент подготовки разных книг для народа. Закономерно, что Толстой обращал внимание на так называемые кризисные жития, в которых превращение грешника происходит внезапно (Житие Иакова Постника). Кроме того, исследователи находят в толстовском тексте влияние житий юродивых, в частности Жития Исидоры юродивой, и житий блудниц (Жития Марии Египетской).

Показательны выводы современных исследователей. И.А. Юртаева пишет: «Писатель акцентирует внимание не на подвигах святого, а на более драматичных моментах нравственного становления героя. Поэтому житийный канон разрушается»⁴. И.В. Васильева в статье «Элементы агиографии и их трансформация в повести Л.Н. Толстого “Отец Сергей”» отмечает, что в повести нет характерного житийного повествователя, нет интимной беседы с читателем, нет ни самоуничижительной молитвы, ни беспокойства по поводу предстоящего труда, ни сомнений в своих способностях, рождение главного героя не показано и т.д.⁵ Так через отрицательные словесные конструкции намечается контур житийной сюжетной схемы. Вероятно, это должно подтвердить мнение автора статьи, зафиксированное в заглавии, – в толстовской повести произошла «трансформация агиографической традиции».

В уже упоминавшейся работе А.Г. Гродецкой содержится подробный сопоставительный анализ произведения Толстого с разными житиями, с патериковыми текстами, имеющими сходные сюжетные ходы: искушение старца блудницей и т.д. В результате исследовательница приходит к мысли, что «Отец Сергей», по существу, есть антижитие с героем антисвятым»⁶.

Думается, эти наблюдения и выводы не совсем корректны, как не совсем корректно и сопоставление текстов житий, житийного канона с художественным произведением, поскольку это разные традиции жизни

русского слова, что тонко чувствовал и сам Толстой, когда писал в письме к В.Г. Черткову: «Все жития, как только переводятся на простой язык, так сейчас же поражают своей искусственностью. Только на славянском или древнем они читаются. И этим обманывают» (85, 328). Правда, у Гродецкой находим весьма неожиданный комментарий к этим словам: речь идет, считает она, об искусственности, то есть ложности языка⁷ – надо полагать, церковнославянского языка. Церковнославянский язык – культовый, действительно, искусственно созданный для общения с Богом, кодифицированный язык, полный эзотерических смыслов. Но «обманывают» жития с точки зрения современной писателю реалистической литературы. Думаю, права И.В.Васильева, которая пишет, что Толстой стремился «приспособить житие к господствующему художественному мышлению», «иначе говоря, перевести его на язык литературы XIX века»⁸.

Действительно, о. Сергей предстает перед нами как человек, увиденный и описанный человеком светской культуры XIX века. Не случайно у Толстого повесть называется просто «Отец Сергей», а не «Житие монаха Сергия», потому что языком художественной прозы не может быть описана жизнь духа.

В связи с этим представляется, что не совсем точны те исследователи, которые видят в толстовской повести только пародию на Житие Сергия Радонежского, самого почитаемого в народе русского святого. Думается, связь здесь иного рода. Вся проблема в том, что современные медиевисты еще недостаточно изучили сам житийный жанровый канон. В нашем сознании «русская агиография с ее тихостью и светлою мерностью» не знает кризисных сюжетов, это определение Г. Федотова доминирует. И это отчасти верно, но достаточно прочесть внимательно сам текст Жития Сергия Радонежского, написанного Епифанием Премудрым, как мы узнаем, что Сергей был необыкновенно силен физически, один носил бревна, и до конца дней бесы мучили его похотными стрелами, а он оборонялся от них чистым сердцем. Это краткое замечание древнего жития в художественном тексте Толстого разворачивается в ряд ярких жизненных зарисовок о разведенной жене Маковкиной, о слабоумной Марье, о барыне, обратившей внимание на красавца монаха и пригласившей его домой. Иначе и не могло быть в реалистическом тексте. Толстой, на мой взгляд, стремился не разрушить житийный канон, а, наоборот, сохранить, но в другой языковой традиции, и при этом избежать «искусственности».

То же самое можно сказать об описании «умной молитвы»: «Он (Сергий) теперь стоял неподвижно, устремив глаза на кончик носа, и творил умную молитву» (31, 24). Так выглядит процесс умного делания

со стороны внешнего наблюдателя. Видимо, более подробно представить, что при этом происходило внутри, как создавался особый энергетический центр «умосердце», невозможно (ср. с описанием практики «умной молитвы» в Откровенных рассказах странника, созданных в Оптиной пустыни).

Таким образом, в связи с проблемой житийного канона в повести Л. Толстого возникает как минимум две проблемы. Что понимать под житийным жанровым канонем? И как возможен сравнительный анализ произведений духовной или церковной, христианской литературы и художественной, светской?

Известно, что впервые Хр. Лопарев в ст. «Византийские жития XVIII–XIX веков» дал характеристику наиболее распространенным видам житий, описал общую для них агиографическую сюжетную схему, но сюжетная схема еще не есть канон жанра, очень важен вопрос об идеологии жанра. Канон, как образно пишет М.Н. Виролайнен, – это «неявленный небесный образец». Ю.М. Лотман, рассматривая каноническое искусство как информационный парадокс, подчеркивал, что это ритуализованное искусство, «искусство эстетики тождества», что в таком искусстве графически или иначе зафиксированный текст – это лишь наиболее ощутимая, но не основная часть произведения. Оно нуждается в дополнительной интерпретации, включении в некоторый «значительно менее организованный контекст». Канонический текст – это лишь возбудитель информации в сознании воспринимающего, в котором и происходит наиболее активная работа⁹. О том, как представлен канон в Житии Сергия Радонежского, исихастском тексте, написанном Епифанием Премудрым, мне приходилось писать специально¹⁰.

Что же касается взаимоотношений церковной и светской традиции в русской литературе XIX века, то это особый предмет для дискуссии, которая разворачивается на наших глазах. Можно назвать монографию П.Е. Бухаркина «Православная церковь и русская литература в XVIII–XIX вв. (Проблема культурного диалога)» (1996), статьи В.А. Котельникова «Русская литература на пути к Оптиной», книгу А.А. Ильина «Русская литература в контексте отечественных православных традиций» (2000), из последних работ – исследование В.В. Кашириной «Литературное наследие Оптиной пустыни» (2006). Собственно, две позиции обозначились еще в XIX веке и сохраняются до сих пор, хотя и в несколько измененном виде. Одни считают, что не следует противопоставлять литературу светскую и литературу церковную, поскольку существует одна русская литература, другие подчеркивают их принципиальную разницу. После работ П.Е. Бухаркина стали писать о культурном диалоге, но далеко не все принимают и эту идею.

Таким образом, на мой взгляд, проблема канона в повести Л.Н. Толстого «Отец Сергей» должна быть поставлена на ином уровне, чем обнаружение некоторого сходства в сюжетных ходах разных житий: это свидетельство общих мест житийного повествования. Важно другое: как представить путь земного грешного человека к Богу в словесном тексте. В христианских канонических житиях этот путь осуществляется через восхождение по ступеням духовной «лестницы» – покаяние, борьба со страстями, сведение ума в сердце, бесстрашие, преобразование и обожение, а в художественном – через описания психологических переживаний и поступков, приводящих человека через смирение, отказ от гордыни и себялюбия к Богу. И в этом смысле Толстой верен агиографической традиции, показывающей, как труден путь человека к Богу.

Примечания

¹ *Гродецкая А.Г.* Ответы предания: жития святых в духовном поиске Льва Толстого. СПб.: Наука, 2000. С. 22.

² Там же.

³ *Андреева Е.П.* Толстой-художник в последний период деятельности. Воронеж, 1990.

⁴ *Юртаева И.А.* К вопросу о традициях жития в повести Л.Н.Толстого «Отец Сергей» // Литературное произведение и литературный процесс в аспекте исторической поэтики. Кемерово, 1988. С. 123.

⁵ *Васильева И.В.* Элементы агиографии и их трансформация в повести Л.Н.Толстого «Отец Сергей» // Текст: структура и функционирование. Вып.4. Барнаул, 2000. С. 77.

⁶ *Гродецкая А.Г.* Указ. соч. С. 245.

⁷ Там же. С. 20.

⁸ *Васильева И.В.* Указ. соч. С. 85.

⁹ *Лотман Ю.М.* Каноническое искусство как информационный парадокс // Лотман Ю.М. Избранные статьи: В 3 т. Т. 1. Статьи по семиотике и типологии культуры. Таллин, 1992. С. 243–247.

¹⁰ *Бахтина О.Н.* Житие Сергия Радонежского: Учебно-методическое пособие. Томск, 2007.